

Патриарх Московский и всея Руси КИРИЛЛ

СВОБОДА

**И О Т В Е Т С Т В Е Н Н О С Т Ъ
В П О И С К А Х Г А Р М О Н И И**

**П РА В А Ч Е Л О В Е К А
И Д О С Т О И Н С Т В О Л И Ч Н О С Т И**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ

СИНОДАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА
ПО ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ
ЦЕРКВИ С ОБЩЕСТВОМ И СМИ

МОСКВА • 2016

УДК 241.13
ББК 86 372
К431

Издание подготовлено
Издательством Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
и Синодальным отделом
Московского Патриархата по взаимоотношениям
Церкви с обществом и СМИ

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси
К431 Свобода и ответственность: в поисках гармонии.
Права человека и достоинство личности. — Издание
4-е. — М. : Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви : Синодальный отдел
Московского Патриархата по взаимоотношениям
Церкви с обществом и СМИ, 2016. — 336 с.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2016.
© Синодальный отдел Московского
Патриархата по взаимоотношениям
Церкви с обществом и СМИ, 2016

ISBN 978-5-88017-561-1

**Читателям книги
«Свобода и ответственность:
в поисках гармонии. Права человека
и достоинство личности»,
участникам VI Международного
фестиваля православных СМИ
«Вера и слово»**

Дорогие братья и сестры!

Выход данного издания приурочен к VI Международному фестивалю православных СМИ «Вера и слово», который регулярно проводится Синодальным информационным отделом при участии руководителей информационных отделов епархий, главных редакторов епархиальных сайтов и СМИ. За эти годы были созданы необходимые условия для объединения православных журналистов, установления профессиональных контактов и формирования единого информационного пространства Церкви.

Нынешний форум посвящен теме «Церковь и свобода». Сегодня, когда происходит стремительное развитие средств массовой информации, данная тема особенно важна. Христианская миссия в медиапространстве невозможна без свободы, без религиозной свободы, без свободы слова, которую наша Церковь вновь обрела после многих лет преследований и гонений. Обладая этой свободой, мы призваны убедительно свидетельствовать о Господе нашем Иисусе Христе как ближним, так и дальним, чтобы спасительный свет евангельской истины просвещал людские сердца.

Сборник «Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности» составлен из моих выступлений и статей разного времени, посвященных теме прав человека, важной как в российском обществе, так и в глобальной дискуссии о свободе. Надеюсь, что это издание внесет свой вклад в изучение и понимание позиции нашей Церкви по правам человека, изложенной в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека».

Пусть эта книга поможет вам в дискуссиях о свободе и достоинстве, которые регулярно разворачиваются в медийном пространстве, где вы несете свое ответственное служение.

*Патриарх Московский и всея Руси
КИРИЛЛ*

Совместный подход в поисках единства Церкви и обновления человечества

Доклад на I Международном богословском семинаре «На пути к богословию мира»

Будапешт, 14–18 декабря 1987 г.

Тема доклада предполагает совместный подход к решению проблемы единства Церкви и обновления человечества. Однако здесь мы сталкиваемся с методологической трудностью: единство Церкви связано исключительно с деятельностью христиан, тогда как обновление человечества касается всех живущих на нашей планете. Поэтому, видимо, единого подхода к этим двум проблемам быть не может. Эти подходы могут иметь лишь какие-то общие принципы, но они (подходы) непременно будут отличаться друг от друга настолько, насколько различаются сами проблемы. Вместе с тем между единством Церкви и обновлением человечества существует глубокая связь. Другими словами, название доклада предполагает по меньшей мере наличие трех тем, каждая из которых требует отдельного рассмотрения. Поэтому для того, чтобы остаться в разумных границах повествования, я хотел бы сделать акцент на одной из этих тем, а именно на выяснении основы для совместных поисков обновления человечества, и сказать в связи с этим о специфическом вкладе в этот поиск христиан. Полагаю, что такой акцент будет соответствовать общей теме нашего семинара.

Что подразумевается под понятием «обновление человечества»? По всей вероятности, во-первых, тот факт, что состояние человечества неудовлетворительно

и что требуются действия, способные изменить это состояние к лучшему. Во-вторых, поскольку речь идет о человечестве, а не об отдельных нациях и государствах, то это означает, что проблемы, омрачающие нашу жизнь, имеют глобальный характер и их решение потребует совместных действий в масштабах всей планеты. Однако возможность совершать совместные действия предполагает наличие некоего единства. И здесь возникает фундаментальный вопрос: в каком смысле можно говорить о единстве применительно ко всему человечеству? Что означает такое единство?

По всей вероятности, это понятие может проясняться на нескольких уровнях. Так, в книге Деяний Апостольских сказано: *От одной крови Он произвел весь род человеческий* (Деян. 17, 26). В соответствии с этим утверждением развивалась общеизвестная богословская концепция о единстве человеческого рода, представляющего из себя единую семью, связанную невидимыми мистическими узами. Свидетельством такого мистического единства является неудержимое стремление людей к разным формам объединения. Одна из аксиом нашего бытия гласит, что человеческая личность может осуществить себя только посредством общения с другими личностями. В отрыве от себе подобных человек не способен реализовать полноту жизни, он обречен на гибель. В силу этого вся деятельность человека, сознательная или бессознательная, так или иначе проходит под знаком объединения с себе подобными, т. е. связана с воплощением в социальных категориях означенной идеи мистического единства. Правда, эта объединительная деятельность осуществляется в нашем поврежденном грехом мире очень часто в силу весьма прозаических причин

и приобретает уродливые, а порой и опасные формы, но от этого она не перестает быть выражением общечеловеческого стремления к единству, в основе которого — ощущение единого онтологического корня. Человеческие сообщества на протяжении истории с большим или меньшим успехом (а нередко и вовсе безуспешно) пытались осуществить идею человеческого единства. Если на уровне семьи, рода, клана, племени, нации и государства эти попытки и приводили к каким-то результатам, то на более высоком, межгосударственном уровне они практически всегда завершались провалом. Наиболее наглядный исторический пример — завоевательные войны и возникновение в результате этих войн империй. Помимо удовлетворения честолюбия, корысти, властолюбия и тщеславия завоевателей, помимо достижения военно-стратегических, политических и экономических целей, в создании империй определенным способом выражалось подсознательное стремление к единству, к стиранию государственных и прочих границ. В огромном мире империй объединение народов осуществлялось посредством создания единого государственного организма, без которого не мыслилась никакая иная социальная общность. История продемонстрировала обреченность такого опыта в случаях, когда он, этот опыт, основывался преимущественно на силе. Силой уравнивались центробежные тенденции, порождаемые недовольством от неравномерного распределения материальных благ и поглощения культур присоединенных народов. Естественно, что общность людей, достигнутая силой и поддерживаемая балансом сил, не может быть прочной и долговечной. Но даже если допустить полную добровольность и отсутствие принуждения,

единство человечества вряд ли сможет быть выражено и обеспечено в рамках единого государства, по крайней мере в обозримой перспективе.

Что же означает тогда призыв к единству человечества? Как можем мы описать это единство в категориях, понятных и убедительных не только для христиан, но и для всех наших современников? Каким образом можем мы сообщить людям библейскую весть о единстве человеческого рода, не впадая в соблазн игнорировать жестокие реальности современного мира? В контексте этих реальностей следует употреблять более сдержанный язык, по крайней мере тогда, когда мы обращаемся к нехристианскому миру. Малопонятная сегодня идея «единства человечества» должна быть адаптирована посредством конкретных и реалистических концепций. Только в таком случае христианское послание имеет шанс быть услышанным в нашем разделенном и полном противоречий мире. Весьма возможно, что эти концепции лишь отчасти будут способны передать библейскую весть о единстве человечества, пусть они будут «не твердой пищей, а молоком», питающим не «духовных, а плотских» (1 Кор. 3, 1–2), разделенных между собой людей. В определении такой концепции следует исходить из факта, что нависшие над человечеством угрозы, имея глобальный характер, действительно угрожают всем. Сегодня в мире нет сказочного оазиса, где можно чувствовать себя в безопасности. Мы живем в тесном и взаимозависимом мире, а потому и преодоление глобальных кризисов должно осуществляться сообща, всем человечеством. Хорошо известно, что перед лицом внешней опасности, угрожающей государству, возрастают его внутреннее единство и сплоченность. Общая опасность

заставляет людей оставить в стороне свои внутренние разногласия. Если же этого не происходит, то у такого государства мало шансов победить неприятеля.

Сегодня у всего человечества появились общие смертельные враги, вся человеческая цивилизация оказалась «в осаде». Вечный вопрос: «Быть или не быть?» — впервые за всю историю поставлен в планетарном масштабе. Перед лицом этих угроз у человечества нет другого пути, как только быть единым. Поэтому то единство человечества, которое реально может быть достигнуто уже сегодня, есть единство действий в борьбе за общечеловеческое выживание. Следует отдавать себе ясный отчет, что такое единство есть единство прагматическое, что оно далеко от воплощения христианских чаяний, что это, скорее, первый шаг на долгом пути. Но ясно также и другое: без этого первого шага может не быть и самого пути.

Основная трудность в объединении человечества для преодоления угрожающих ему кризисов заключается в самой их природе. Кризисы — не внешние враги, они порождены самим человечеством, являются его внутренними болезнями. В прошлом лечение таких болезней осуществлялось по хорошо известной схеме: одно государство или одна часть мира пытались решать свои проблемы за счет другого государства или другой части мира.

Такого рода «терапия» осуществлялась всегда с позиции силы. Выигрывал тот, кто сильнее. На этом строилась мировая политика. Движущей силой такой политики был национальный эгоизм, облаченный в концепцию национальной безопасности. Реальности сегодняшнего взаимозависимого мира обнаруживают полную несостоятельность этой политики.

Всякая попытка улучшить свое положение за счет другого оборачивается лишь призрачным выигрышем, усугубляя кризис и подвергая опасности не только того, кто слаб, но и того, кто силен. Процессы, идущие в мировой экономике, иллюстрируют это достаточно убедительно. Что же касается военной области, то здесь следование старым схемам логически приводит ко всеобщему уничтожению.

Другими словами, человечество должно научиться преодолевать стоящие перед ним угрозы сообща, следуя новому принципу: соблюдение интересов каждого есть условие достижения общих интересов, равно как и безопасность каждого есть условие безопасности всех. Однако провозглашение такого принципа немедленно влечет за собой вопрос о критериях. Что означают интересы и безопасность каждого? Ведь у государств и народов могут быть весьма различные представления об этих понятиях. Чтобы представить всю сложность проблемы, достаточно, к примеру, сказать о такой категории, как материальное благополучие, понимание которого всегда индивидуально. Другими словами, совместные действия людей, направленные на решение стоящих перед человечеством проблем, должны опираться на общую мировоззренческую основу. Без такой основы немыслимо ни общее согласованное понимание этих проблем, ни тем более их преодоление. Иначе говоря, без такой основы невозможно единство человечества перед лицом современных кризисов.

Однако не является ли идея о такой общей мировоззренческой основе очередной утопией? Чрезвычайное разнообразие, а нередко и противоречивость существующих мировоззрений действительно предельно

усложняют осуществление такой идеи. И вместе с тем в настоящее время появились обнадеживающие знаки, свидетельствующие о том, что «лед тронулся», что человечество перед лицом грозящих ему опасностей начинает осознавать необходимость отыскания общих для всех принципов, которые, возвышаясь над идеологическими, религиозными, национальными и классовыми интересами, могли бы стать подлинной основой, обеспечивающей единство и согласованность действий в условиях современных кризисов.

Для понимания того, в каких категориях может быть описана эта основа, следует попытаться выяснить то общее, что имеют между собой современные кризисы. К сожалению, они слишком многочисленны, чтобы перечислять их здесь. Эти кризисы развиваются на фоне небывалого научно-технического прогресса — того самого прогресса, в котором романтики прошлого усматривали панацею от всех бед и с которым связывались радужные надежды на будущее. «Техническая эйфория» в поисках единства Церкви и обновления человечества была еще весьма распространенным явлением в 60-х годах XX столетия¹, однако уже в 70-х построения стали более реалистичными. Энергетический кризис (1973) со всеми экономическими и политическими последствиями показал легкую уязвимость современной научно-технической цивилизации и ее зависимость от ресурсов, которые перестали казаться неисчерпаемыми.

Однако 1970-е годы привнесли еще нечто более важное в оценку научно-технического прогресса. Даже те, кто страдал эйфорией, начали говорить об «изменении

---

¹Steinbuch K. Falsch programmiert. Stuttgart, 1968.

курса», о необходимости «сознательного выяснения норм нашего общежития» и о «достижении согласия в том, на каких принципах мы хотим жить друг с другом»¹. Дискуссия об опасных последствиях научно-технического прогресса стала включать в себя глубокие размышления о нравственном состоянии современного человека и общества². Действительно, человечество оказалось перед угрозой самоуничтожения в результате торжества своей научной мысли, своей власти над силами природы. От того, как человек распорядится этой властью, зависит теперь будущее самой жизни. Тот факт, что огромные успехи в развитии науки и техники до сих пор ни на йоту не продвинули «решение» мировых кризисов, свидетельствует о том, что люди плохо распоряжаются своим могуществом. Более того, в каком-то смысле научно-техническое развитие провоцирует эскалацию кризисов, становится их движущей материальной силой (гонка вооружений, проблемы экологии), а в определенных частях света — и силой угнетения (транснациональные корпорации).

Отчего же все это происходит, где кроется таинственная причина, которая превращает научно-технический прогресс в маховик, раскручивающий мировые кризисы? Здесь уместно привести слова русского религиозного мыслителя Н.А. Бердяева, сказанные им еще в 1932 году: «Когда дана такая страшная сила в руки человека, тогда судьба человечества зависит от духовного состояния человека»³. Наука и техника дают

¹Steinbuch K. Kurskorrektur. Stuttgart, 1973.

²В связи с этим весьма примечательна Всемирная конференция ВСЦ «Вера, наука и будущее». Бостон, 1979.

³Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Путь. 1932. № 35. С. 59.

сегодня людям возможность в подлинно космических масштабах творить добро или зло, вовлекая в свою деятельность силы природы. Но добро и зло суть категории нравственные, они принадлежат внутреннему миру человека, обнаруживаясь вовне через те или иные его поступки. Не являются ли в таком случае бедствия, царящие в мире, результатом внутренней болезни человечества? Не обнаруживают ли кризисные последствия научно-технического прогресса отсутствие прогресса духовного, не суть ли они свидетели все более расширяющейся пропасти между интеллектуальным и нравственным состоянием мира? Создастся впечатление, что между развитием современной цивилизации и духовным упадком личности установилась какая-то взаимозависимость. Научно-технический прогресс предоставляет современному человеку более комфортный образ жизни и более легкие средства к существованию. Отсутствие устойчивых нравственных норм толкает людей к тому, чтобы добиваться, опираясь на свою возросшую мощь, еще большего комфорта и больших материальных благ. Это восхождение по спирали материального могущества сопровождается обескураживающими изменениями в сфере этических ценностей: мораль представляется ненужным, обременительным дополнением к счастливой жизни, от которой никак не зависят благосостояние и могущество человека.

В свою очередь, забвение моральных ценностей еще больше повышает значимость ценностей материальных, стимулируя их накопление. Однако хорошо известно, что, когда моральные ценности подвергаются небрежению, индивидуум сосредотачивается исключительно на собственном благосостоянии, игнорируя

интересы других людей, вплоть до полного пренебрежения к человеческой жизни. Именно это и происходит сегодня в мире, составляя духовно-нравственную суть многообразных кризисов. Можно сказать, что современные кризисы отображают в себе нарушение той гармонии бытия, которая достигается осуществлением в человеческой жизни абсолютных нравственных ценностей. А потому, не преуменьшая роли хорошо известных политических, экономических, исторических и прочих факторов, определяющих лицо современных кризисов, следует сказать, что породившие их первопричины сокрыты в области человеческого духа, в области нравственности. А если так, то и объединяться в борьбе с этими кризисами человечество должно на основе общих нравственных принципов. Другими словами, мировоззренческая основа, на которой должно произойти объединение человеческого духа в борьбе за выживание, может быть описана в общих для всего человечества нравственных категориях.

Такая мировоззренческая основа представляется к тому же единственно возможной и единственно достижимой уже сегодня. И причина не только в многообразии, противоречивости и даже враждебности существующих в мире мировоззрений, но, скорее, в уникальном, всеобщем и абсолютном характере человеческой нравственности. Правда, как известно, единство нравственного сознания человечества некоторыми мыслителями подвергается сомнению. В качестве аргумента приводятся ссылки на множественность кодексов морали, которые присущи людям, живущим в разных социальных, культурных и экономических условиях. Однако можно считать общепринятым, что, несмотря на множественность этих кодексов, этика

способна установить единство цели поведения всех существ и единую систему ценностей. Существующие же кодексы морали представляются этнографически различными частями одного и того же целого¹.

Одним из результатов сугубо рационалистического, прагматического отношения к организации человеческого общества было ослабление внимания к значению нравственности в общественной жизни. Ошибка политиков, ученых и юристов заключалась в фактическом отделении политики, науки и права от этики. Конечно, это отделение никогда и никем прямо не провозглашалось и в теории обычно признавалось превосходство нравственного начала по крайней мере над началом юридическим. Однако на практике нравственный порядок относился скорее к области «благих намерений», полезных советов и назиданий. Христианские Церкви, в течение многих веков подчеркивавшие в основном личное измерение в этике, в каком-то смысле способствовали созданию атмосферы, обусловившей «этическую секуляризацию» общественной жизни. Эта «этическая секуляризация» дорого стоила человечеству. Миллионы жертв, особенно в войнах XX века,

---

¹Подробнее см.: *Лосский Н.* Условия абсолютного добра (Париж, 1949).

Опираясь на этнографические исследования, убеждаемся, что «все основные нравственные идеи, заключающиеся в десяти заповедях, суть общее достояние всего человечества...», а кодексы морали разных народов дают «достаточный материал для индуктивного обоснования истины единства нравственного сознания человечества» (там же, с. 130).

Удивительное единодушие всех религий относительно нравственной ответственности и моральных ценностей лишь подтверждает этот вывод, который находит не только индуктивное, но и интуитивное обоснование в личном опыте людей.

явились ответом на забвение политикой непреходящего значения абсолютных нравственных ценностей или на попытки интерпретировать нравственность в контексте национальных, классовых или расовых интересов.

Горький опыт прошлого, равно как и современные кризисы, убеждают в том, что социальные и экономические отношения, политика и наука не могут стоять вне области этики. Людям необходимо совершенствовать мир через соблюдение и ограждение вечных и незыблемых нравственных основ бытия.

Однако степень применения нравственных норм в общественных отношениях зависит от нравственного уровня людей. Без способности различать добро и зло, без чувства долга и ответственности, без самоконтроля и самоограничения человеческой личности немислима здоровая общественная жизнь. Из личной морали проистекает то, что получило название «естественного права». Это право утверждает некий разумный и справедливый порядок, который, по мысли русского философа С.Л. Франка, в данных конкретных условиях максимально соответствует нравственной природе человека. Мерилом разумности такого порядка является деятельность общества, обеспечивающая осуществление высших нравственных начал человеческого бытия. Идея «естественного права» проистекает из принципа единства, целостности и неделимости человеческой нравственности. Она предполагает неразрывную связь между личным и общим. Сфера личной нравственности и сфера нравственности общественной взаимосвязаны и взаимообусловлены. С.Л. Франк говорит об этом так: «Эти две области имеют внутреннюю связь между собой. Связь эту

образует тот слой человеческой жизни, который можно обозначить как область нравов, быта, нравственных навыков... Через посредство этой промежуточной сферы общий правовой порядок или законодательство, нормирующее общий строй коллективной человеческой жизни, есть в конечном счете выражение и продукт личной духовной жизни членов общества, степени их нравственного совершенства или несовершенства»¹. «Уровень общественного порядка стоит в функциональной зависимости от нравственного уровня людей, его составляющих»². Отсюда С.Л. Франк делает вывод, находящийся в русле этических концепций русской классической литературы, в частности Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского: «Путь, приводящий к максимально эффективным и прочным результатам, есть путь изнутри наружу, от личной жизни к жизни общественной»³. Из нравственной целостности человеческих личностей составляется и нравственная целостность общества, и эта зависимость сегодня имеет непосредственное отношение к общечеловеческому выживанию. (СПИД сделал эту зависимость понятной для самых неискушенных людей.) Зло динамично, и его логическим завершением является смерть, небытие. Если злу не препятствовать на всех уровнях бытия, то оно, умножаясь, погубит мир. Зло несет с собой хаос и бесформенность, «дионисийское начало», некую энтропию. Энтропия жизни означает нарастание зла, устремленного к своему логическому концу — к смерти, небытию. Поэтому сохранение жизни требует

¹Франк С.Л. Свет во тьме. Париж, 1949. С. 378–379.

²Там же. С. 381.

³Там же. С. 379.

духовного подвига. Ныне совершенно ясно, что человек, утративший нравственные основы, потерявший духовную связь с миром других людей и с окружающей его природой, планетарно опасен. Творимое им зло в условиях научно-технического могущества перестает быть личным делом, даже если этот человек и не имеет доступа к пусковым кнопкам ядерных ракет или к пультам управления реакторами электростанций. Удивительным открытием нашего времени можно назвать эту взаимосвязь между нравственностью и выживанием. Да, впрочем, это и не является открытием. Более ста лет назад, исповедуя свои христианские моральные принципы, Ф. М. Достоевский сказал: «Красота спасет мир»¹. Наше время лишь иллюстрирует эту взаимозависимость.

Да, действительно существует лишь одна сила, способная приостановить нарастание зла, остановить энтропию мира. Эта сила — добро, творимое каждой человеческой личностью в отдельности и всеми вместе. Никогда еще люди не обладали столь сильной побудительной причиной к тому, чтобы избегать зла и творить добро. Сегодня этой причиной является физическое выживание. Хочешь жить — делай добро, хочешь жить — живи в соответствии с нравственными нормами, заложенными Богом в человеческую природу и опознаваемыми в нормах общечеловеческой морали. Иного пути для выживания нет. «Что такое мир?» — спрашивает святитель Григорий Нисский и отвечает: «Не иное что, как исполнение любви»². Нравственное начало должно стать категорическим

---

¹Достоевский Ф.М. Идиот. Ч. 3. V.

²Григорий Нисский, свт. Творения. Ч. 2. М., 1861. С. 458.

императивом в личной и общественной жизни; руководствуясь им, нужно строить международные отношения и осуществлять научно-технический прогресс. Нравственные ценности должны иметь наивысший приоритет в решении задач, возникающих на путях человеческой истории.

Возвращаясь к теме единства человечества перед лицом грозящих ему кризисов и признавая, что нравственные нормы являются не только средством преодоления этих кризисов, но и основой для такого единства, следует еще раз подчеркнуть, что данный вывод обуславливается самой нравственной природой человека. Еще известный русский философ Владимир Соловьев утверждал, что, несмотря на все многообразие и неповторимость каждой человеческой личности, «существует неразложимая основа общечеловеческой нравственности, и на ней должно утверждаться всякое значительное построение»¹. Эта нравственная основа и подлежит выделению из множества существующих сегодня моральных кодексов. Поиск единых этических норм, выражающих само существо нравственной природы человека, должен стать предметом всеобщего диалога с участием религий и идеологий. Иначе говоря, существующая множественность кодексов морали должна уступить в наш век место единому моральному кодексу, основанному на абсолютных нравственных нормах. Через широкий диалог человечество может освободиться от неполноты и односторонности каждого такого кодекса в отдельности, полагая в основу консенсуса совместно принятую систему ценностей.

---

¹Соловьев В. Первичные данные нравственности // Вопросы философии и психологии. 1894. № 24 (4). С. 361.

Эта система должна устанавливать также взаимозависимость и взаимообусловленность ценностей и иметь ясно выраженные приоритеты.

Центральным принципом построения общего морального кодекса, его становым хребтом должна быть идея единства и нерасторжимости абсолютных нравственных норм, органической взаимосвязи и взаимообусловленности личного и общественного нравственного идеала. Без такой внутренней целостности этот кодекс превратится в фикцию и никогда не сможет стать фактором подлинного обновления человечества.

Наиболее важным последствием применения в области международных отношений общего морального кодекса явилась бы возможность формирования единых критериев для оценки таких понятий, как национальные интересы и национальная безопасность. А это, в свою очередь, способствовало бы реализации единственно приемлемого принципа для международной политики в ядерный век: соблюдение интересов каждого есть условие достижения интересов всех, безопасность каждого есть условие безопасности всех. Безопасность, построенная на принципах нравственного порядка, исключила бы страх и подозрение, эгоизм и недоверие. Осознанная взаимозависимость государств и народов явилась бы лучшим стимулом к развитию доверия. Включение нравственных норм в общественную жизнь помогло бы решить проблемы политической, экономической и социальной справедливости, достичь подлинного уважения человеческих прав, преодолеть барьеры между Востоком и Западом, Севером и Югом.

Создание общего морального кодекса посредством широкого диалога между религиями и идеологиями

не должно быть синкретическим смешением существующих этических концепций, которое обесценивало бы и вытесняло истину. Впрочем, этого произойти не должно по той причине, что общий моральный кодекс представляется не компромиссом между этическими концепциями, а сообщая сформулированной основой общечеловеческой нравственности, уходящей корнями в нравственную природу человека. По этой же причине он не может расходиться с основными ценностями евангельской этики, так как она являет собой отображение естественного нравственного закона, вложенного Богом в человеческую природу.

Христиане, как, впрочем, и представители иных мировых религий, будут иметь возможность через общий моральный кодекс совместно выразить свою приверженность вечным нравственным истинам.

Излишне также распространяться о том, что повсеместное принятие корпуса единых нравственных норм не должно приносить никаких отрицательных последствий типа всеобщей стандартизации и унификации. Единый моральный кодекс не может претендовать на роль всеобщего обязательного закона, отменяющего действующие законодательства, но он непременно будет претендовать на то, чтобы являться нравственной основой, в соответствии с которой должны быть приведены все национальные законы и международные соглашения. Иначе говоря, моральный кодекс призван гуманизировать область политики и права, сохраняя плюрализм общественно-политических убеждений, экономических систем, культурной жизни, традиций, национальных обычаев.

Вместе с тем следует признать, что воплощение идеи общего морального кодекса натолкнется на трудности

двоякого характера. Во-первых, это трудности теоретические, связанные с формированием корпуса общих для всех норм нравственности; во-вторых — практические, обусловленные осуществлением этих норм в жизни современного человечества. Что касается трудностей теоретических, то они сводятся не только к фундаментальному вопросу о существовании и характере (абсолютном или относительном) норм общечеловеческой морали, но и к достижению согласия относительно нравственной оценки проблем, стоящих перед современным человеком.

Общеизвестным является тот факт, что в прошлом незабываемый корпус христианских этических норм никогда не был осуществлен в полной мере в жизни христианских народов и в их отношении друг с другом. Излишне объяснять, что христианству досталось тяжелое наследие, построенное на рабстве и деспотизме языческого мира. Безусловно и то, что влияние христианства сказывалось в смягчении жестокости рабовладельческих государств, в постепенной их гуманизации. Но тем не менее в достаточной мере этого не было достигнуто ни в Византии, ни в средневековой Европе. Что же касается Европы, то, имея единый моральный христианский кодекс, она не избежала войн, порой религиозного характера. Можно спорить о совершенстве христианской жизни в Средние века, можно ссылаться лишь на частичную христианизацию народов Земли — все это так, но тем не менее нельзя не признать факта определенной неудачи этой исторической попытки. Пусть пример истории есть не доказательство, а аналогия, однако она способна породить серьезные сомнения в том, достижимо ли единство рода человеческого на основе морального консенсуса.

И в связи с этим следует поставить еще один драматический вопрос: являются ли современные кризисы кризисами исключительно внехристианского, секуляризованного мира или они имеют отношение к внутренней жизни христианства? Совершенно ясно, что обезбоженная мораль в полной мере являет сегодня свою несостоятельность, неспособность удерживать людей от нравственной деградации со всеми вытекающими из этого последствиями. Но не следует делать вид, что в христианстве все благополучно и что происходящее в современном обществе не связано с положением внутри мирового христианства. Ясно, что ответственность за состояние мира падает и на христиан. Проблемы современного мира связаны не только с оскудением веры, но и с внутренними болезнями христианства, — конечно, не в благодатно-мистической, а в его человеческой природе. А потому христиане должны понять и узреть смысл происходящего в мире и самого христианства, постигнуть значение мировых кризисов, соотнося эти кризисы со своим внутренним состоянием. А разве не этим внутренним состоянием следует в первую очередь объяснить неудачу христианства в осуществлении своих этических начал во всем строе исторической жизни? И причина здесь не в самой христианской этике, а в качестве христианской жизни. Прав Г. Кюнг, когда говорит, что «если в мире происходит слишком мало перемен, то виною этому воистину не основополагающая программа христианства, не Сам Христос, а виною этому христиане!»¹.

Нравственное и духовное обновление человечества должно начаться в христианской среде через

---

¹Кюнг Г. Быть христианином: Русское издание. С. 926.

приверженность христиан целостным и нерасторжимым нормам евангельской морали, через органическое сочетание в повседневной жизни личного и общественного измерений христианской этики. Всякий приоритет одного за счет другого влечет за собой разделение неразделимых по своей сути нравственных норм, искажая тем самым строй христианской жизни и ослабляя христианское свидетельство.

Но не является ли сказанное выражением несбыточной надежды? Если не удалось в прошлом достичь единства государств и народов на основе единого нравственного кодекса христианства, почему сегодня следует серьезно принимать идею единства человечества на основе общего морального кодекса? Если в течение десятков лет, несмотря на огромный энтузиазм, поиски христианского единства не достигли цели, почему следует возлагать надежды на будущее? Ответ на этот вопрос может быть один: потому что никогда за всю историю вопрос о единстве человечества не был напрямую связан с вопросом выживания человеческой цивилизации. Ведь не в последнюю очередь именно разделение рода человеческого, включая разделение христианства со всеми вытекающими отсюда последствиями, подвело нашу цивилизацию к роковой черте. Человечество стоит на пороге третьего тысячелетия, но остается неясным, как перешагнет оно этот порог. Может быть, осознание предлежащих опасностей поможет сделать то, чего человечеству не удавалось сделать в процессе всего исторического существования?

Но, как кажется, есть одно неперемutable условие для достижения единства Церкви и обновления человечества. Этим условием является покаяние. Покаяние —

метанойя — есть переменение старого порядка жизни и строя духа, есть осознание неправды и ее отрицание, есть перестройка в самом глубинном смысле этого слова. И, видимо, неслучайно фильм грузинского режиссера Т. Абуладзе «Покаяние» стал главным событием культурной жизни нашего общества в самом начале процесса перестройки. Этот фильм, напоминая о трагических событиях недавнего прошлого, помог многим из нас глубоко осознать, что без отрицания неправды, как бы горько это отрицание ни было, не может быть перемен к лучшему ни в настоящем, ни в будущем. Но в покаянии — не только отрицание, но и утверждение. Покаяние есть подлинное обновление, осуществление правды, воссоздание Красоты и Истины. В нем не только смирение, но и дерзновение. Покаяние — это духовный подвиг, совершаемый во имя обновления жизни.

Может ли совершиться обновление мира без духовной борьбы, без подвига, без обращения к вечным нравственным ценностям?.. «Скажите, эта улица ведет к храму?» — спрашивает пожилая женщина героиню фильма «Покаяние». «Нет, эта улица не ведет к храму», — отвечает та, зная, что говорит, ибо с этой улицей у нее связаны трагические воспоминания детства, а храм — символ вечных духовных ценностей — давно взорван. Последними словами фильма являются слова удивленной старушки: «Зачем же эта улица, если она не ведет к храму?!»